

*И.А. Барабанова,
профессор кафедры струнных инструментов
Астраханской государственной консерватории*

ОН СПАС ОТ СМЕРТИ УЗНИКОВ РАВЕНСБРЮКА

Писать о своем отце очень трудно, тем более – он был неординарным человеком. Еще до войны мой папа, **Саркисян Аведик Агабекович**, получил два высших образования – юридическое и педагогическое. Прошел всю войну от звонка до звонка. Имел 12 тяжелых ранений, до конца своих дней жил с осколками в голове и в легких. Закончил войну в Германии и после Победы был назначен комендантом города Фюрстенберга, на территории которого находился печально известный концлагерь Равенсбрюк.

Аведик Агабекович Саркисян

После того, как он приступил к своим обязанностям, ни один узник этого лагеря не умер, хотя, к моменту появления освободителей 30 апреля, эти люди были полуживыми трупами. Первое, что сделал мой отец, это организовал на территории лагеря ферму коров, чтобы отпаивать узников парным молоком; второе – собрал бригаду лучших врачей, включая немецких, которые буквально с «того света» возвращали измученных людей к жизни. Затем, выяснив их место жительства (лагерь был международный интернированный), организовывал отъезд на Родину, по домам. Среди узников этого лагеря была астраханка **Губаревская Аида Сергеевна (Аллавердян)**, именно от нее я больше, чем от папы, узнала о том периоде его жизни. В детстве я с мамой приезжала в Астрахань, в гости к **Аиде Сергеевне**, прекрасно помню ее родителей и маленькую дочь **Свету**, с которой мы общаемся по сей день. Позже, приезжали с сестрой, с концертами, привозили учеников на конкурсы, непременно останавливались у **Аиды Сергеевны**. Принимала она нас как самых дорогих гостей. А наши репетиции у нее дома были праздником. Заниматься у **Аиды Сергеевны** можно было в любое время суток. Она, также как мой папа, обожала музыку и свою дочь **Свету** учила в музыкальной школе. Сейчас **Светлана Губаревская** успешно работает в ДШИ №2.

В самом начале войны **Аида Сергеевна** добровольно ушла на фронт, прошла все ужасы концлагеря «Равенсбрюк», о ней написано много книг, статей.

Отец выделил **Аиду Сергеевну** как свою соотечественницу, прикрепив к офицерской столовой, просил рассказать о своей жизни до войны. Когда по его просьбе **Аида Сергеевна** пришла в кабинет и села напротив, даже он, прошедший войну, не мог спокойно смотреть на узницу: руки ее были объемом со столовую вилку, а талию она могла объять указательным и большим пальцами. По возвращении домой **Аида Сергеевна** работала на Рыбзаводе главным технологом.

Каждый год **Аида Сергеевна** встречала День Победы в разных странах по приглашению бывших узников «Равенсбрюка» (Австрия, Югославия, Франция).

Она с благоговением и восхищением вспоминала о моем отце, его потрясающих организаторских и человеческих качествах, о деликатности, порядочности, честности. О его честности вспоминала и моя мама, рассказывая о том, что, когда в кабинет, в котором работал папа (между прочим, раньше это был кабинет **Гимлера**), принесли на опись 17,5 кг золотых изделий, она попросила заменить ее скромное золотое колечко на понравившееся трофейное, – отец ей, любимой жене, это не позволил, хотя оно было не более ценное.

Имея большие возможности что-то вывезти из Германии, отец привез оттуда лишь старенькое пианино и несколько тяжелейших ящиков, в каждом из которых было по 5 великолепно оформленных альбомов с 5-6 пластинками каждый. Это были записи музыки Баха («Страсти по Матфею»), кантаты, органные сочинения, сольная скрипичная соната соль минор в исполнении Ф.Крейслера), все симфонии Бетховена и др.

Мой отец безумно любил музыку, мог безошибочно определить стиль и композитора, что меня всегда поражало, ведь он не был профессиональным музыкантом. Но свою любовь к музыкальному искусству он сполна передал нам, своим детям. Поэтому нас, троих детей, с детства родители обучали музыке. Моя сестра (**Фомина Валентина Аведиковна**) – пианистка, с которой

сколько себя помню, играли вместе, сейчас работает в Санкт-Петербурге в школе им. Е.А. Мравинского. Мой брат (*Саркисян Всеволод Аведикович*) – баянист.

Поскольку дети были его гордостью, отец за всю свою жизнь ни разу не повысил голос в общении с нами. Несмотря на железную волю, на самом деле папа был очень мягким и даже сентиментальным человеком. Достаточно вспомнить, с какой нежностью он смотрел на свою внучку – мою дочь. В таких случаях я ему говорила: «Папочка, не смотри так на *Наташу*, ты ее балуешь одним своим взглядом».

А если говорить о «железной» воле отца, то после войны у него было тяжелейшее заболевание почек (сказалось обморожение, после которого он чудом остался жив, и прочие тяготы войны). Еще в Германии его предупреждал лечащий врач – немец: «Хотите жить – запрет на острое, соленое, кислое». А отцу тогда было 36 лет. И с того времени он не отступил ни на шаг от этого совета и дожил почти до 90 лет. Кстати, об алкоголе и курении и речи не могло быть – этим он никогда не увлекался. Между прочим, он любил ходить пешком, даже на значительные расстояния. Может поэтому никогда не опаздывал на работу. И внушал нам, своим детям, пунктуальное отношение к своим обязанностям.

О войне отец не любил вспоминать, очень мало рассказывал, считая, что это была просто очень тяжелая работа с риском для жизни. Вообще он был немногословным и сдержанным человеком. Все, кто его знал, говорили: «Отец у Вас – настоящий мужчина». И, конечно, он пользовался уважением у наших с сестрой мужей.

Даже спустя много лет после войны он продолжал воевать во сне. Помню, как я, еще в детстве, пугалась от его ночных криков: «Огонь, вперед». А мама меня успокаивала, объясняя, что это последствия войны.

Закончив Отечественную войну в звании майора, отец ушел в запас, хотя по своим деловым качествам прекрасно подходил для военной карьеры. Но, видимо, этот путь его не прельщал. По возвращении в Советский Союз папа вернулся к своей мирной профессии, работая в Азербайджане адвокатом. Но с его кристальной честностью и принципиальностью находиться там в этой должности было рискованно. Мне был всего год, когда наша семья переехала в Грозный. Здесь папа как фронтовик-орденоносец получил участок земли и машину «Победа». С помощью государства родители смогли построить большой дом, в котором всем нам было просторно и уютно.

Ко мне отец относился как к любимой дочке. Я могла подойти к нему с любой просьбой и ни в чем не знала отказа. Он очень помог мне с учебой в Ростове, так как не позволял работать в период обучения в вузе. А самой большой радостью для него было присутствовать на концерте, когда выступали его дети. И мы всегда прислушивались к его мнению, удивляясь, насколько тонко он разбирается, как мы исполняем то или иное произведение.

В 1989 году отец закончил работу над сценарием задуманной им киноэпопеи «Битва за Кавказ». Будучи сам участником войны на Кавказе, он знал о ней все досконально. Да и кто мог лучше написать об этом, как не человек, прошедший через битву за Кавказ. А ведь для немцев это был стратегически важный регион, главным трофеем которого являлась нефть. Почему отец остановился на этой теме? Да потому, что она мало была освещена в литературе и кино и была очень близка ему как человеку, жившему и воевавшему на Кавказе. Этот сценарий я показала актеру Грозненского драматического театра, который живо заинтересовался, прочитав рукопись и предложил съездить в Тбилиси к его другу – известному актеру кино и театра им. Ш. Руставели *Кахи Кавсадзе*. Мы с папой отправились в Грузию, встретились с *Кавсадзе* и показали ему сценарий. Но когда я спросила, возможна ли реализация этого материала в кинематографе, он сказал, что это очень важная тема, и сценарий разработан всесторонне, но все дело в том, что кинематограф находится в тяжелейшем кризисе, и ставить фильм такого масштаба нереально. Естественно, для масштабных съемок нужна была огромная масса народа, техники, снаряжения. Словом, баснословные потребовались бы средства. *Кахи* откровенно сказал, что сейчас снимается очень мало фильмов, да и те – в павильонах, не выходя за рамки узкого пространства, с минимальными затратами. И, конечно, такую гигантскую тему тогда поднять не могла ни одна киностудия нашей страны.

Трудно представить, что переживал мой отец, ведь он работал над сценарием 10 лет, посвящая этому все свое свободное время. Но я тогда не слышала от него ни одного упрека по поводу того, что сценарий не мог быть запущен в производство.

А когда наступили времена заката страны, которую мой отец и другие фронтовики отстаивали для свободной мирной жизни, разве это не было для них, героев Великой Отечественной, тяжелой душевной травмой. А потом еще и война в Чечне, которая стала для моего отца, моей семьи, да и

для всей России настоящей трагедией. Чеченские события были потрясением для всех, а для таких, как мой отец, многократно преумноженным. В 1994 году ему было 85 лет, когда, взяв лишь документы, моя сестра забрала папу из его собственного дома, который он когда-то построил, и отвезла его под Ставрополь к нашему брату, так как оставаться в Грозном было опасно для жизни. Что пережил мой отец в те годы, отпущенные ему до конца жизни, можно только предполагать. Он об этом предпочитал не говорить. Да и что тут можно сказать?!

Теперь, когда отца не стало, я постоянно испытываю чувство чего-то не отданного ему. Наверное, этот долг перед родителями чувствую не я одна, так как наше поколение допустило то, что произошло с нашей страной. С нашего молчаливого согласия развалилась одна из самых могучих стран и теперь мы – на 127 месте в мире. Мы не бунтовали, не устраивали митинги, не ставили ультиматумы нашему Правительству и, в конце концов, получили то, что заслужили. И если наши отцы сумели в невероятных условиях отстоять свою землю, то мы в мирное время ее проглядели! Как же мы себя при этом чувствуем? Предпочитаем отмалчиваться. А следующее за нами поколение пошло еще дальше: появились нелюди, которые, не моргнув глазом, могут убить беспомощного старика ветерана, чтобы украсть у него фронтовые медали и ордена.

Своего отца я буду помнить и боготворить до конца своих дней. Его будут свято помнить и мои дочери и внуки.... И кто знает, смогла бы я выдержать тяжелые испытания, выучить двоих детей, сама состояться в профессиональном отношении (причем без средств к существованию, ведь в Чечне моя семья практически потеряла все, что там имела, а ныне довольствуется проживанием в общежитии), если бы с детства не впитала, на подсознательном уровне, набор высоких нравственных ценностей – тот самый стержень, который помог выстоять в трудных жизненных ситуациях моему отцу и нам, его детям.